

Россия, 2004. 16-22 дек. с. 14

Беседовала
Ирина
Васильчикова

В России Александра Невского называют вторым Шварценеггером, в Голливуде — русским Геркулесом. Но стереотипному образу «качка без мозгов» он категорически не соответствует — окончил Государственную академию управления и аспирантуру. Прославившись сначала как бодибилдер, поехал покорять Америку, стал актером, сценаристом и продюсером. Сыграл доблестного русского милиционера в недавно вышедшем фильме «Московская жара», где вместе с ним снимались голливудские звезды Эдриан Пол и Майкл Йорк. 16 декабря этот фильм выходит на видео и DVD. Сегодня Александр отвечает на вопросы нашего корреспондента.

Александр НЕВСКИЙ: Американцы уважают тех людей, которые гордятся своей страной

МАКСИМ ПИКОНИ

— Многие начинают заниматься спортом либо чтобы самоутвердиться, либо чтобы научиться драться и суметь постоять за себя. Вы тоже пошли по этому пути?

— Я из интеллигентной семьи. Папа — профессор, мама — инженер. Они всегда мне говорили, что не нужно драться, нужно уходить от конфликтов. Я много читал: Ахматову, Мандельштаму, Гумилеву. Мне это очень нравилось. Представляете картину: ходит высокий, худой, нескладный парень, читает стихи. Не совсем типичная картина для подросткового возраста. Конечно, возникали конфликты. Тогда я подумал: нет, это не дело. Я столько стихов знаю, а постоять за себя не могу. Я записался в секцию бокса и начал заниматься. Это было в 86-м году. Мне было тогда неполных 14 лет. Сначала я занимался боксом, потом — кикбоксингом. Я выступал на соревнованиях и прошел хорошую школу. Потом я занялся бодибилдингом. Это было уже более серьезно. Сначала я просто занимался с гантелями. Потом, когда появились секции по бодибилдингу, я стал посещать их. В 1996 году в моей первой книжке «Как стать Шварценеггером в России» я опубликовал очень много фотографий того периода. Мальчишкам очень важно знать, что, когда я начинал заниматься, я тоже был нескладным, худеньким.

Дорога к титулу «Русского Шварценеггера» у меня была достаточно долгой и непростой. Но я горд тем, что у меня были неплохие примеры перед глазами — тот же Шварценеггер, Ван Дамм, Сигал. Их портреты висели у меня в комнате. Я совершенно не разочаровался в этих людях после того, как познакомился с ними. Они еще лучше, чем я их себе представлял.

— Наши актеры потихоньку покоряют Голливуд, но пока не очень удачно. Вы же стали там своим человеком...

— Когда я приехал в Лос-Анджелес, было очень много вещей, которые я не понимал. Английский у меня, может, был неплохой. Я мог бы дать интервью. Но играть роль, проходить кастинги на языке — это было нереально. Я начал с того, что в университете учил язык. Потом поступил в театральную академию Ли Страсберга изучать актерское мастерство. Но одно дело изучать английский язык в Америке, а другое дело — учиться на английском языке актерскому мастерству. Там подразумевают, что ты уже все понимаешь. Тебе никто не делает никаких скидок.

— Как получилось, что из спорта вы перешли в кино?

— Я всегда играл и в школе, и в институте. Но одно дело играть в КВНе или самодеятельном спектакле. Помню, в школе мы ставили «Клопа» Маяковского. Я очень хоро-

шо это запомнил. Но играть настоящие драматические вещи — это уже на порядок, а то и на несколько выше. Ведь между тем же школьным «Клопом» и «Последним танго в Париже» — просто бездна. Причем, если я уж поступил в школу Страсберга, надо играть серьезно, по-настоящему. Если халтурить — просто отчислят. И денег не вернут. В этом плане в Америке все очень просто. В первом фильме там я снялся в 2001 году, называется «Непререкаемые». В этом фильме снялись Снайпс и Майкл Рукер. Рукер играет коменданта тюрьмы, я — одного из заключенных. Все действие происходит в тюрьме. Снимали мы в настоящей тюрьме в Неваде. Там много поединков. Заключенные в тюрьме поднимают бунт, и герой Рукера его подавляет. Режиссер Уолтер Хилл был в свое время первым американским режиссером, получившим разрешение снимать в России, когда он привез сюда Шварценеггера.

— Кто был первой голливудской знаменитостью, с которой вы познакомились, и как это знакомство состоялось?

— В принципе, первой знаменитостью, с которой мне довелось пообщаться, был Арнольд Шварценеггер. Мы познакомились, когда он приезжал в Россию на открытие ресторана «Планета Голливуд». Но это было на нашей территории. Арнольд — потрясающий человек. Он очень теплый, очень открытый. Он всегда пожимет руку, поможет советом. Никакого снобизма. Он прошел огромный путь. А встреча, предполагающая длительную беседу, состоялась в Лос-Анджелесе в 2000-м. Арнольд — знаковая фигура. Когда я стал слышать, что похож на него, я совершенно этого не стеснялся. Наоборот, я горжусь этим. Стивен Сигал был первым, кто принял меня у себя дома. Его уважают везде. Он один из первых мастеров боевых искусств, провавшихся в кино. Я-то думал, что мне дадут его фото с автографом, и этим все ограничится. Он сам спустился ко мне и пригласил в дом. Когда я слышу, что он слишком высокомерен, что все голливудские звезды — снобы, я думаю, что эти слухи распускают те, кто пытался от них что-то получить, но не получил.

— О гонимых западных звезд ходят легенды. Как же обстоят дела на самом деле?

— Если шутит, например: «Арнольд Шварценеггер получил за фильм «Терминатор-3: Восстание машин» 30 миллионов долларов» — это публикуется, потому что Арнольд Шварценеггер — суперзвезда, и эта информация привлекает внимание к фильму, который выйдет только через год. В принципе, актеры, не достигшие суперзвездного статуса, имеют в своих контрактах пункт о неразгла-

шении коммерческой тайны. Там актеры зарабатывают много. Там существуют профсоюзы киноактеров, которые следят за тем, чтобы гонорары были не ниже 600 долларов в день. Если вы член актерского профсоюза, вам продюсер просто не имеет права заплатить меньше. Если вас нанимают на четыре рабочие недели, получаете приличные деньги. На самом деле, по американским меркам 4 тысячи долларов в месяц — это очень приличная зарплата. Людей, которые зарабатывают миллионы долларов, там немало — может, побольше, чем в России, но ненамного. В американский актерский профсоюз входят около 100 тысяч актеров. Но по официальным данным около 90% не могут вести «звездный» образ жизни, не прибегая к другим заработкам, то есть снимаются только в кино. Да, есть имена, которые все знают. Это вершина айсберга. Мне говорили: «Ты туда приехал, да еще и в фильм попал — ну все, можно считать, жизнь удалась». В Америке все очень жестко, все очень просчитанно.

Да, Шварценеггер получает 30 миллионов долларов за фильм. Но надо помнить, что в Америке чуть ли не половина заработка уходит на налоги. Если, как начинающий актер, вы зарабатываете 100 тысяч долларов за роль, на руки получаете только 55 тысяч. 45 тысяч долларов уходит на налоги «автоматом». И если в контракте у вас стоит сумма 100 тысяч долларов,

10 или 20% надо отдать агенту, причем не от оставшихся 55 тысяч, а от указанных 100. Это 10–20 тысяч долларов. Еще 10 тысяч долларов надо отдать или менеджеру, или адвокату, в зависимости от того, на каком уровне вы находитесь. Вы отдали уже 65 тысяч долларов. И от указанных в контракте 100 тысяч долларов вы получаете на руки 35. Морально это очень тяжело на самом деле. А ведь Лос-Анджелес и Нью-Йорк — очень дорогие города. Снять хорошую однокомнатную квартиру в приличном районе стоит от 1,5 тысячи долларов. Одежда там достаточно дешевая, еда недорогая, а квартиры очень дорогие.

Наверное, во всем мире существует определенное представление о Голливуде. Судят по тому, как хорошо живет «верхушка» этого айсберга. Но верхушка везде хорошо живет. Я туда поехал не за длинным рублем. Я здесь зарабатывал неплохо, был звездой бодибилдинга, выпустил четыре книги, делал теле- и радиопередачи... Но здесь индустрия отсутствует. Я уперся в потолок, и все — дальше движения не было. Мне был интересен кинобизнес там. В течение полтора лет меня ни где не снимали, никаких денег я не зарабатывал. Я жил на те деньги, которые заработал до этого в России. Я всегда говорю тем ребятам, которые мечтают о славе и карьере в Америке: «Нельзя приезжать туда с 1000 долларов и надеяться на что-то». Если говорить о деньгах, там все

чрезвычайно жестко. Не должно быть никаких иллюзий по этому поводу.

— Карьера уже, можно сказать, состоялась. Можно и о личной жизни подумать.

— Я женился в Америке, причем очень удачно, на девушке, с которой познакомился в России еще в 93-м году. Ее зовут Катя, мы учились вместе в институте. Потом вместе уехали в Америку. Тогда мы еще не были женаты и не думали, что останемся в Америке надолго. Я-то планировал познакомиться полгодика — и назад. Кто же думал, что только год я буду изучать язык и актерское мастерство...

— Чем Катя занималась здесь до вашего отъезда и чем она занимается в Америке?

— Она училась, окончила институт. После института хотела пойти в аспирантуру, но я ее утащил в Штаты. Там она вместе со мной учила английский язык. Там она увлеклась фотографией. Сейчас она думает о своей фотовыставке. Ей позировали Микки Рурк, и Арнольд Шварценеггер, и Стивен Сигал. Может, она станет фотожурналисткой. Ей это сейчас интересно. Кроме того, она сыграла в «Московской жаре» маленькую роль.

— Как вы попали в картину «Рязанова» «Тихие омуты» здесь, в России?

— Это моя первая российская картина. Был декабрь 98-го года, было жутко холодно. Я на «Мосфильме» столкнулся с Эльдаром Александровичем. Это мой самый любимый режиссер. Его «Иронию судьбы» я смотрел раз триста. У меня нет слов, чтобы выразить любовь к этому человеку, к его творчеству. И он тогда сказал, для меня это было чудом: «Саша, у меня роль для вас есть. Я предлагаю вам сыграть охранника». Тут надо сделать небольшое отступление. В начале 90-х меня много приглашали в ки-

но. Тогда снималось очень много «чернухи». Мне предлагали играть бандитов, рэкетиров. Я отказывался. Я всегда говорил молодым ребятам, что нельзя о криминальных структурах даже думать. Тогда я сказал: «Эльдар Александрович, я не играю охранников». — «Хорошо, тогда сыграешь начальника охраны». Я согласился. У меня было несколько съемочных дней. Мы снимали в одной из московских гостиниц. Выяснилось, что я играю начальника охраны у Геннадия Викторовича Хазанова, который играл олигарха. У нас был договор с Рязановым, что, если я участвую в фильме, он для меня напишет маленькую сценку с текстом. Он написал. У меня хранится как реликвия эта страница текста. Я потом специально прилетел из Америки на Валдай, где мы снимали несколько сцен. А когда вышел фильм, этот эпизод в фильм не вошел. Но тут никаких претензий к Эльдару Александровичу быть не может. Он великий мастер. Общение на съемочной площадке с Геннадием Хазановым, Александром Абдуловым, Ольгой Волковой компенсировало все.

— Как вы начали сами снимать кино?

— В 2003 году я приступил к первому проекту, в котором участвовал и как автор сценария, и как продюсер вместе с Александром Изотовым, и как исполнитель главной роли, назывался он «Московская жара». Это, на мой взгляд, первый фильм за всю историю Голливуда, в котором Россия представлена позитивно. Так как кино было сделано совместно с американцами, оно на английском языке. 80% действия происходит в Москве. Естественно, американцы хотели это снять или в Праге, или в Торонто, но в итоге все московские сцены снимали здесь. Снимали на Красной площади, на Москве-реке, в Царицыне, на смотровой площадке Воробьевых гор, в московском метро, на улицах... Показали Москву, какая она есть на самом деле. В фильме снимались Майкл Йорк, Эдриан Пол, Ричард Тайсон. Из российских актеров — Маша Голубкина, Александр Белявский, Сергей Горобченко. Собралась хорошая интернациональная команда.

— Легко ли было уговорить приехать в Россию американских звезд?

— Не просто. За то время, что я живу в Америке, я оброс нормальными связями, многих людей знал. Майклу Йорку лично звонил Стивен Спилберг, когда Майкл захотел узнать обо мне поподробнее. Йорку понравился сценарий, и второе, о чем он спросил: кто делает фильм? Естественно, он наводил справки. Главное было — преодолеть стереотипы, связанные с Россией. Когда американские знаменитости приехали в Москву, они были приятно удивлены тем, что Москва — красивый, цивилизованный европейский город.

— Потом было еще два фильма...

— Да. Второй — «Время перемени», для съемок которого сюда приехала Мэриэл Хемингуэй, внучка великого писателя. Это документальный фильм о политической жизни России за последние 15 лет. Было много плохого, и они об этом знают. Но было и много хорошего, о чем они знают мало. Мы построили фильм на хронике и комментариях ведущих. Фильм на английском языке, для американского канала документального кино. Третий фильм, в котором я принимал участие как соавтор сценария, сопродюсер и соведущий, — «Настоящая Москва». Фильм неполитический, развлекательный, о том, какая красивая, замечательная, разная Москва, — для канала путешествий. Все понимаю, что в любом городе есть криминал, бездомные и т.д. Но в любом городе есть что-то красивое, веселое, классное. И

наш фильм об этом. Мы были в саду «Эрмитаж» и слушали там джаз, разговаривали с потрясающими людьми. Были на Воробьевых горах, общались с байкерами. Один из них увез моего соведущего Джеда Алена куда-то в даль. Но через десять минут Джеда вернули (смеется). Джед из Нью-Йорка, там в метро ночью лучше не ездить. Когда он увидел нашу подземку, то был в шоке: «У вас в метро надо музей открывать!»

Я стараюсь не только делать карьеру, но и пропагандировать нашу страну с лучшей стороны. Американцы уважают тех людей, которые гордятся своей страной.

— Съемки фильма — сложный процесс, но зато теперь, наверное, есть что вспомнить.

— Конечно! Что касается «Московской жары». Первой трудностью стало найти переводчиков. Продюсеры и актеры — русские и американцы, постановщик трюков и его помощник — из Гонконга, говорят они только по-китайски. Пока мы нашли переводчика, знающего все три языка, прошло дней десять. В этот период никто никого не понимал. Когда снимали трюковые сцены, постановщик сам показывал, что надо делать, как подбрасывать пистолет...

Съемки «Настоящей Московской жары» тоже начались с недопонимания. Когда мы с Джедом договаривались о встрече, чтобы обсудить съемки, он опоздал на час. Я его не дергал, не звонил. А он — лихач. Приезжает бледный, взволнованный. Выяснилось, что его «Лексус»-кабриолет подрезали так, что на расстоянии пяти сантиметров от него проехал джип. Если кабриолет входит в джип, от него ничего не останется. Когда он уже летел на съемки в Москву из Лос-Анджелеса, рейс отложили, потому что в один из моторов самолета попала птица. А оказавшись в аэропорту, Джед очень удивился, что его никто не встречает. Мы ждали его в VIP-зале, а он вышел через обычный выход. Он потом сказал: «Если так все начинается, что же будет на съемках?» Но все прошло хорошо.

Эдриан Пол, замечательный наш горец, на съемках «Московской жары» хотел показать боевые искусства. Он занимается ими двенадцать лет. «Давай немного померимся силой», — предложил он. — Ты не стесняйся, бей». Я не очень сильно, но пробил ему в корпус. Его, беднягу, скрутило. Я испугался, подбежал к нему. Мне стало очень неудобно. Эдриан приходит в свой вагончик, и в довершение ко всему выясняется, что он занят Ричардом Тайсоном, который недавно приехал на съемки. Это явилось не его день... Но, несмотря ни на что, он каждый день «зажигал» по клубам: «Я никогда не подумал бы и не поверил, что у вас есть такие клубы». Эдриан Пол действительно показал себя бессмертным: и удар мой выдержал, и 12-часовой съемочный график, и в остальное время тусовался по клубам и с продюсером Александром Изотовым немножко выпивал. Я был в шоке!

— Что можно сказать о премьере?

— Премьера прошла великолепно. Было 2,5 тысячи человек в «Пушкинском». Первый раз мы с Майклом Йорком смотрели фильм, дублированный на русский. Все актеры дублировали, поскользнулся изначально на английском. Было очень приятно, что меня озвучивал тот же актер, что и Арнольд. Сейчас мы идем на третьем месте после «Александра» и «Бриджит Джонс». Здорово, учитывая, что это очень большие фильмы. Наш фильм уже продан в 42 страны. Перед отъездом из Лос-Анджелеса, в конце ноября, мы подписали договор с Германией, Францией, Италией. У нас есть шансы на то, что «Московская жара» представит и Россию, и Москву во всем мире.

Слова

Станислав Кучер, телеведущий:

— С Александром мы познакомились случайно. Этому предшествовала встреча с Джедом Аленом. Он оказался моим попутчиком, когда я летел из Лос-Анджелеса в Москву. Джед летел на съемки фильма о Москве, который они снимали вместе с Александром. Именно Джед познакомил меня с Сашей. В результате возникла идея пригласить Джеда в программу «25 и 1». Во время эфира я открыл вдруг для себя совершенно другого человека, чем представлял изначально. Стереотип культуриста — зашкваренный на своем понимании спорта, не очень высокой культуры человек.

Несколько вечеров мы общались с Сашей и до программы, и после. Я понял, что это очень глубокий, интересный человек, который смотрит в будущее. Саша — человек, не лишенный оптимизма, не очень частое явление для нашего мира вообще и для кинематографического в частности. В нем уживаются реалистичное понимание действительности и оптимизм. Думаю, это поможет ему сделать то, что он хочет, а именно — показать Россию с лучшей стороны. Но нужно понимать, что в Голливуде свои правила и туда надо с чем-то входить. Я считаю, что «Московская жара» — это достойное начало.